

Zina in Murmansk

Paul Durcan

As a schoolgirl, Zina
Was all that a Pioneer instructor
Could dream of, and her parents –
Druzhniki, gribniki,
Peace-keepers, mushroom-hunters –
Were proud of her as a mushroom,
Their own miniscule red mushroom.
She was droll, elegant, gay,
Her company always a pleasure.
It was expected that after schooldays
She would attend the Literary Institute
In Moscow, or the Leningrad Art College.
Instead, she became a grade-A typist
And applied for a resident's permit
In Murmansk, in the arctic region
Of the Far North.
Zina – diminutive of Zinaida –
Had always been a dreamer
With her feet on the ground.
She was certain that Murmansk
Was the kind of town she would find
The old-fashioned man she yearned for,
A specimen of manhood whose ancestors
Had been living the same sort of life
For thousands and thousands and thousands of –
A Mesolithic Man of the twentieth century
Who would fish for shark in the White Sea
And hunt polar bear in the tundra,
Who would live with her in a log cabin
And at night read to her from Tolstoy,
Valentin Rasputin and Chingitz Aitmatov,
While she darned his mighty socks,
Or applied her awl to his boots,
Boring tunnels for thong piping.
But such men are no more extant
In Murmansk than in Moscow.
She could not find even one man
Who had a drop of Mesolithic sexuality
Left in his pasteurised blood.

Зина в Мурманске Пол Деркан

Будучи школьницей, Зина
Воплощала собой все сразу,
О чем пионервожатой
Только можно мечтать.
Родители – папа с мамой –
Простые советские люди:
Дружинники, грибники,
Гордились ей, как грибочком.
Их маленьким красным грибочком.
Мила, весела и изящна.
С ней было всегда интересно.
Считалось, она поступит в московский Литинститут,
В худ. училище в Ленинграде.
Однако вместо того,
Первоклассной став машинисткой,
Девушка завербовалась в Мурманск,
На Крайний Север,
В Арктический регион.
Зина – краткое от Зинаида –
Всегда была фантазеркой,
Но не без здравого смысла.
Она полагала, что Мурманск
Будет тем самым местом,
Где встретит она мужчину
Старой закалки, который виделся ей в мечтах.
Мужчина, которого предки
Жили похожей жизнью тысячи тысяч лет.
Мужчина из Мезолита, но только в двадцатом столетье,
Что ловит акул в Белом море,
Охотится на медведя, его преследуя в тундре,
С которым они будут жить
В простом бревенчатом доме,
И вечерами он будет читать ей разные книжки:
Распутина и Толстого, Айтматова и других.
А она пока будет штопать дырки в носках могучих
И шилом делать отверстия
В ботсах его для шнурков.
Но только такие мужчины больше не существуют.
И в Мурманске их оказалось
Не более, чем в Москве.
Она отыскать не сумела
Никого, в чьей крови стерильной

To this day Zina remains
A single girl in Murmansk,
Typing out the correspondence of the chairman
Of the White Sea Shipping Company,
At 18 Kornintern Street,
While he attends to his fourth wife
And the nightly routine of television and fornication.
It is the same the wide world over
From Murmansk to Batumi,
From Novosibirsk to Shamaka:
A question of whether or not there *is time*
– Time, I said, time, time and time again –
To squeeze in a quick fornication
Between the 9 p.m. newscast
And the 9.30 p.m. current affairs, musical chairs programme.
Soon shark and bear will be extinct –
And women too:
Soon there will be no more women.
Zina goes nightly to her bunk
As to her beloved grave.
Reading in bed late at night in Murmansk,
Am I the last woman left alive in the world?

Осталась хотя бы капля
Сексуальности древних времён.
Оттого и по сей день Зина
В Мурманске одинока.
Печатает документы директору пароходства
На улице Коминтерна, Дом 18. Директор
Уходит домой с работы к жене. Четвёртой по счёту.
К ежевечерней рутине из телепрограмм и секса.
И там все одно и то же:
Огромной страны просторы
От Мурманска до Батуми
От Кеми до Новосибирска
И тот же самый вопрос:
Найдётся сегодня время,
– Я говорю тебе, время, время, ещё раз время –
По-быстрому втиснуть секс
Между программой Время, начавшейся ровно в 9
И музыкальной программой, что позже на полчаса.
Скоро медведи, акулы вымрут
И женщины вместе с ними.
Их не останется больше.
Идёт каждый вечер Зина
Занять своё спальное место,
Где ей – как в любимой могиле.
И там допоздна читает,
в Мурманске, лёжа в кровати,
И думает: неужели
Последняя я живая женщина на Земле?

Translated by Marina Tsvetkova (Russia)